

...Четвертый час пополудни по «восточному летнему времени» в Нью-Йорке. Американцы у телевизоров. Совет-

ский космонавт жмет руку американскому астронавту. Популярный телевизионный обозреватель Уолтер Кронкайт чуть позднее скажет в

передаче «Новостей», что это рукопожатие «может стать началом новой эры в наступлении человечества на неизведанное...»

У телевизора в Нью-Йорке встретились в этот час американский писатель Курт Воннегут и советский писатель Чингиз Айтматов. Непосред-

ственно у экрана они обменялись первыми впечатлениями об этом выдающемся космическом эксперименте.

Ч. АЙТМАТОВ. Мы уже привыкли к невероятным событиям, связанным со штурмом космоса. Мы теперь бывалые. Ничем-то нас, нынешних землян, особенно не поразит. И все же, я думаю, в истории нашего поколения это удивительное событие — то, что мы видим сейчас на экране телевизора.

Я недавно написал повесть, события в ней отнесены ко времени, когда еще мало кто думал о проинновации в глубины мироздания. Военная пора. Люди падают с конными плугами. Ныне эти же люди стали очевидцами успехов ракетной техники — а срок для истории небольшой.

Повесть в какой-то степени автобиографична, я старался описать, что я в ту пору видел и чувствовал. Мой младший сын Аскар прочитал ее в рукописи и удивился — неужели тогда не было тракторов? Я ответил ему, что тракторы были, но их не хватало, шла война. Теперь научно-техническая революция как бы продвинула нас из одной эпохи в другую. И что такое сейчас трактор? Мы вот сидим у телевизора и не просто наблюдаем то, что происходит в космосе, а как бы сами включены в процесс поисков двумя великими странами точек соприкосновения, мирного сотрудничества друг с другом.

Меня это волнует. Внешне мы спокойно сидим и смотрим десятую или двадцатую передачу из космоса. Но это заставляет размышлять о титанической мощи человеческого разума. Сажу и думаю — не сглазить бы только; — чтобы и впредь было так: никакой вражды там, в космосе. Пусть не будет ее и на земле.

К. ВОННЕГУТ. То, что мы наблюдаем, замечательно. Впрочем, на мой взгляд, и такой простой факт, что мы вот с вами сейчас дружески беседуем, заслуживает высокой оценки. Мы ведь прекрасно понимаем друг друга. И даже до того, как мы теперь встретились, я легко мог понять Айтматова, потому что он писатель, как и я, и у нас есть общие интересы, общие заботы и профессиональные тайны. Вот вы говорите, что сейчас в космосе встречаются две разные страны. Но мы с вами встречались и раньше. Вы хорошо знакомы с нашей литературой, мы тоже в какой-то степени знаем вашу. И мы встречались на Эльбе. Это была встреча огромного значения, завершившая войну на окровавленных полях Европы. Меня освободила Красная Армия. Когда наши армии встретились для рукопожатия, эта встреча не походила на торжественную церемонию — вокруг царил смерть и разрушение. Война — ужасное бедствие, ее нельзя романтизировать. Но это был первый случай, когда встретились наши народы, связанные общей целью. И вот теперь новая — и какая! — встреча.

Между нашими народами никогда не существовало вражды, насколько я знаю. Если вы остановитесь на улице прохожего американца и спросите его, ненавидит ли он русских, он удивится: почему, собственно, он должен ненавидеть русских?

Конечно, некоторые маньяки у нас еще подают голос, но, как говорится, в семье не без урода.

Ч. АЙТМАТОВ. Сейчас в мире нет столкновений исторического масштаба, вот уже 30 лет удаётся избежать новой мировой войны. Тем не менее есть очень много такого, что разделяет нас по многим причинам — историческим, политическим, социальным. Никто не утверждает, что мы должны оставлять, консервировать эти противоречия таки-

ми, какие они есть. Смысл жизни, пожалуй, в том, чтобы все время пытаться искать решение тех или иных проблем. Такие попытки делаются в разных сферах. В одном случае это то, что мы с вами делаем в литературе, в культуре, когда мы пытаемся влиять на духовное сближение народов, когда мы ратуем за обмен духовными ценностями, которые могут и должны способствовать развитию благородного образа мышления, призванного служить процветанию мира.

Другое — это то, что происходит сейчас на наших глазах, когда наши и ваши космонавты работают, как члены одной семьи, делают одно великое общее дело,

не. Так неужели, жертвуя этим, человек должен все время чувствовать себя боксером, кого-то бить или принимать удары?!

К. ВОННЕГУТ. Наша цивилизация должна быть достаточно зрелой, чтобы сказать: да, у нас сейчас есть знания, чтобы отправиться на Венеру. Мы так и сделаем в должное время. Не горит Венера не исчезнет с небосклона. Будем мудрыми, а не разгорячившимися детьми, которые хотят одержать верх над другой группой детей. Пойдем к цели постепенно и сообща.

Я был восхищен, как быстро Советский Союз оправился от последствий

второй мировой войны, что у него такая замечательная техника, что он подает пример в научных дерзаниях. У нас есть американский футбол, и бывает, что игрока в ходе матча убивают. Американский ученый Норберт Винер писал, что американцы склонны истолковывать возникающие проблемы как игру, которую надо выиграть. Но если это и так, то задиристость может быть вызвана причинами, уходящими в историю страны, ей не попадаясь сильные противники.

Конечно, есть область, где мы должны быть твердыми: это бизнес. К деловым разговорам с советскими представителями я бы готовился самым тщательным образом. Пока мы сидим вместе и беседуем, мы любим друг друга. Но мы должны стать людьми менее обаятельными при решении вопросов о том, какое количество денег перейдет из одних рук в другие и на каких условиях.

Ч. АЙТМАТОВ. Я хочу предложить собрать наши мысли, иначе они разбредутся, как стадо по горам.

зах. Я считаю, то, что сейчас происходит в космосе, возвышает всех нас в собственных глазах, показывает, на что мы способны. Это такой прецедент, на который будут ссылаться в дальнейшем. Мы будем говорить, что был же момент, как вспышка озарения, когда могучие силы человеческого духа пошли навстречу друг другу, не на разрушение, а на единение. Я возлагаю надежды, очень большие надежды на то, что это событие отразится на многих сферах жизни, в том числе на развитии культуры, на мышлении человечества, на его восприятии различных сторон общественной жизни как в частных ее проявлениях, так и в глобальном масштабе. Насколько я знаю настроения советских людей, именно это нас интересует больше всего. Все мы знаем, что космические средства могут быть использованы и в военных целях. И мы не хотим, чтобы они были так использованы. В коллективном человеческом разуме, видимо, происходят какие-то положительные изменения. Мне хотелось бы верить этому.

Мы вчера вернулись из Сан-Франциско. Когда мы ходили по городу, то люди, услышав, что мы говорим по-русски, оглядывались, некоторые подходили, здоровались, подымали большой палец вверх: вон, мол, какие там дела, в космосе. Все было понятно без слов. Но были и другие люди, которые сомневались, стоит ли эта затея затраченных на нее долларов.

Я не хочу осуждать или обвинять людей, которые пытаются все перевести в деньги. Для них деньги в конечном счете должны иметь какое-то предметное, вещественное выражение: или это губная помада, или это автомобиль, или небоскреб, или еще что-нибудь. И когда это не что-нибудь вещественное, то им кажется, что деньги вылетают в трубу.

Спору нет, изучение космоса требует больших материальных затрат. Этот вопрос не может не волновать любого человека. В первый же день по приезде в Вашингтон я это заметил на премьере нашего с Калтаем Мухамеджановым спектакля «Восхождение на Фудзияму» в театре «Арена Стейдж». Зрители оживились, пришли в возбуждение, когда один из героев пьесы, агроном Досберген, пытается отрицать необходимость космических исследований. Он спорит, с ним спорят, он шумит в пылу спора: «Ты мне дай дождь, когда он нужен, и отведи его в сторону, когда в нем проку нет. А иначе на черта мне этот космос! Мне там не пахать, не сеять!» Зал разноголосо загудел на его слова, но и следующую реплику, слова жены агронома, учительницы Алмагуль, доказывавшей, что для того, чтобы управлять климатом, необходимо знать, что делается вокруг Земли, зал тоже принял с пониманием и уважением. Знакомая ситуация — в московском «Современнике» эта сцена тоже иногда вызывает обостренную реакцию зрителей.

Конечно, деньги, которые расходуются на исследования космоса, можно и на что-то другое использовать. Но мне думается, что есть какие-то неизбежные сверхзадачи у человеческого общества, без разрешения которых трудно достигнуть прогресса.

Да, что бы мы ни говорили, как бы мы ни рассуждали, неизбежное совершается — развитие науки и техники, развитие человечества идет вперед. Что оно несет с собой? Вот в чем проблема. И наша важнейшая задача — дать всему этому процессу направление верное, направление действительного прогресса, человеческого счастья.

Диалог записал собственный корреспондент АПН и «ЛГ» в Нью-Йорке Геннадий ГЕРАСИМОВ

ВСТРЕЧА

Диалог советского и американского писателей

НАД ПЛАНЕТОЙ

ЗЕМЛЯ

Чингиз АЙТМАТОВ

Курт ВОННЕГУТ

Не является ли эта встреча многозначным символом и многообещающим началом? Не должны ли следом за ней для нас открыться новые перспективы? Не должны ли мы увидеть в ней попытку найти какой-то обобщенный пример действий в условиях жизненных противоречий? Ведь то, что сейчас происходит на наших глазах, — не только техническое достижение. Я вижу в этом очень важный аспект морально-этических взаимоотношений наших стран. Вспомним, какими были эти отношения в послевоенный период... И вот мы вместе прорубили окно в космос. Через это космическое окно мы как бы видим друг друга в ином состоянии, в ином измерении.

К. ВОННЕГУТ. Думаю, обе наши страны считали, что будут обладать большей энергией перед лицом противников...

Ч. АЙТМАТОВ. Ну, если искать источник силы только в противостоянии, то надо все время держать боксерскую стойку. Это, возможно, заставляет быть собранным, напряженным, готовым к отпору и нападению, но это не жизнь. Мы должны думать о том, что миллионы людей при таком противостоянии не остаются в стороне, а так или иначе включаются в этот процесс напряжения. Они страдают от этого. Жизнь любому человеку дается однажды. Наступает момент, когда человек достигает физической и духовной зрелости, ему предстоит осмыслить, освоить мир, заявить о себе, выполнить свое предназначе-

н. Так неужели, жертвуя этим, человек должен все время чувствовать себя боксером, кого-то бить или принимать удары?!

Я хочу вернуться к космическим встречам, к тому, что происходит в этот момент на глазах у всего мира. Мы можем широко подходить к этому в разных аспектах — историческом, общественном, повседневном, но все равно это важнейшее событие, оно заполняет газеты, радиоволны, все каналы информации. Каждый человек будет по-своему пытаться его понять, оценить, рассмотреть с собственной точки зрения, с тем чтобы предугадать, что оно предвещает будущему.

Что же касается спорта, то я лично к нему отношусь довольно спокойно. Я не думаю, что эта сторона человеческой жизни может иметь определяющее значение в международном плане. Я знаю людей, которые страдают манией спортивных побед, и если любимая ими команда где-то кому-то проиграла и уступила первое место другой команде, им кажется, что это катастрофа. Спорт, спортивный дух — в природе человека. Согласен. Он означает стремление преодолеть что-то, достигнуть чего-то, перегнать, догнать. Конечно, спортивная страсть горит кровью, и люди острее чувствуют жизнь. Но меня в данном случае волнует нечто большее, потому что слишком много на земле проблем, слишком много противоречий, которые значительно шире спортивных понятий.

На земле неспокойно, на земле бушуют социальные, национальные и прочие конфликты и страсти. История складывается в неустойчивой борьбе. И вот из этого, казалось бы, хаоса земного вырастает сегодня нечто новое, что возвышает человечество в собственных гла-